

Глава 17

Фан Цзычэнь не мог больше оставаться на месте и сразу же отправился к управляющему.

Тот, увидев примчавшегося под ливнем Чжао-гэра, решил, что дома стряслась беда. Стоило Цзычэню заговорить об отгуле, как начальник лишь махнул рукой, соглашаясь, и велел завтра утром вернуться как можно скорее.

Дождь немного утих, и Фан Цзычэнь, крепко сжимая руку Чжао-гэра, поспешил домой.

Сам гэр за сына не слишком беспокоился — Гуай-цзай был ребёнком послушным и рассудительным, вряд ли бы он стал убегать со двора. Однако не успели они дойти до места, как издали донёсся надрывный, душераздирающий плач малыша.

Сердце отца ёкнуло, и он сорвался на бег.

Войдя во двор, они увидели Гуай-цзая: мальчик сидел прямо на земле под навесом и рыдал взахлёб. Рядом суетился Чжоу-гэр, совершенно не зная, что предпринять.

Увидев вернувшегося хозяина, тот посмотрел на него как на спасителя:

— Ну наконец-то ты вернулся! Скорее, успокой его. Он плачет уже целую вечность, я как ни старался — всё без толку.

Голос мальчугана уже охрип, а глазки покраснели и опухли. С двух лет он рос не по годам серьёзным и плакал крайне редко. Бывало, оступится на горе, обдерёт колени в кровь — и ни звука, а тут зашёлся в такой истерике. Сердце Чжао-гэра облилось кровью; он подхватил сына на руки.

— Папа... — малыш намертво вцепился ему в шею.

— Прости меня, — Чжао-гэр ласково поглаживал его по спине, тихо приговаривая: — Тише, тише, маленький мой. Папа виноват, папа совсем голову потерял, забыл тебя дома.

Малыш всхлипнул и, заметив стоящего рядом Фан Цзычэня, протянул к нему ручонки:

— Отец...

Он явно хотел, чтобы его обняли оба.

Юноша перехватил ребёнка и вытер ему лицо:

— Ну всё, будет тебе. Настоящие мужчины слёз не льют. Вот я, например, никогда не плачу.

— И папа, и отец... оба пропали, — обиженно пролепетал малыш.

Обычно, чем бы он ни занимался, ему стоило лишь повернуть голову, чтобы увидеть Чжао-гэра, а сегодня он вдруг остался совсем один. Конечно, он испугался.

Фан Цзычэнь, недолго думая, тут же переложил вину на другого:

— Это всё твой папа виноват. Совсем непутёвый стал, бросил тебя одного.

Чжао-гэр лишь бросил на него красноречивый взгляд, а Чжоу-гэр и вовсе лишился дара речи.

Небо всё ещё было затянуто тяжёлыми тучами. Едва они успели войти в дом, как гроза разразилась с новой силой. Раскаты грома и вспышки молний за окном не прекращались ни на миг.

Весь остаток дня семья провела на кухне. Чжао-гэр с тоской смотрел в окно на огород, где молодая рассада, прибитая к земле ливнем, выглядела жалко и безжизненно.

Его супруг подтащил табурет и сел рядом:

— Как думаешь, когда дождь кончится, они выживут?

Ему и самому было досадно. Он столько времени возился с этими грядками, ростки уже вымахали с большой палец, и через пару дней их можно было бы подавать к столу, а теперь их едва не втоптало в грязь.

— Выживут, — вздохнул Чжао-гэр. — Только многие погибнут, хороших всходов останется не так уж много. Я ведь когда сеял, специально густо сыпал, думал — где взойдёт слишком тесно, там пораньше выдернем на еду. Теперь, боюсь, не выйдет.

— Ничего страшного, — отозвался Фан Цзычэнь.

Сидеть без дела было скучно, поэтому он, немного подразнив Гуай-цзая, взял Чжао-гэра за руку, заявив, что хочет предсказать ему судьбу по ладони.

Он бережно сжал руку гэра в своих ладонях, внимательно разглядывая линии, и начал что-то рассказывать, но собеседник уже не слушал.

Чжао-гэр смотрел на свою ладонь: она была покрыта шрамами и жёсткими мозолями, кожа

заглубела и потемнела от постоянной работы. Его рука была полной противоположностью ладони Цзычэня — и по цвету, и по мягкости.

Ему вдруг стало невыносимо стыдно за эти отметины. Он ведь каждый день проводил под палящим солнцем — должно быть, его лицо и шея такого же неприглядного цвета. Он никогда не смотрелся в зеркало: раньше на это просто не было времени, а редкие минуты отдыха он тратил на то, чтобы придумать, как добыть еды, и совершенно не заботился о внешности. С тех пор как в его жизни появился Фан Цзычэнь, все его мысли были заняты только этим человеком. О некоторых вещах он просто не успевал задуматься всерьёз.

Но сейчас Чжао-гэру стало по-настоящему страшно.

Он никогда не задумывался, красив ли он, хороша ли у него кожа — сам-то он себя не видел, а значит, и не беспокоился. Но муж-то видит всё предельно ясно.

«Неужели он считает меня уродом?»

Так уж устроены люди: когда любишь кого-то всем сердцем, даже если ты сам не лишён достоинств, объект твоей страсти кажется тебе совершенным, подобно сияющей в небе звезде. Ты же сам кажешься себе лишь скользкой жабой, забившейся в грязную канаву. Невольно рождаются неуверенность и горькая тоска.

Он не умел скрывать чувства, и все его терзания отразились на лице.

Фан Цзычэнь не знал, о чём тот размышляет, но, заметив, как помрачнел его супруг, недолго думая, приложился губами к тыльной стороне его ладони.

Чжао-гэр вздрогнул, словно на кожу упала искра, и резко отдернул руку:

— Ты... что ты творишь?!

Цзычэнь ответил с самым невозмутимым видом:

— Да ничего особенного. Решил немного похулиганить. Хотя, если вдуматься, это и хулиганством-то не назовёшь.

Поцеловать собственного законного супруга — дело правое, а вот если бы он чужого человека целовал, тогда бы и называли хулиганом.

— Как ты можешь так себя вести! — Чжао-гэр спрятал руку за спину, прижав поцелованное место другой ладонью.

Ему всё ещё казалось, что кожа там хранит мимолётное тепло губ. Сердце предательски заколотилось в груди.

— А что такого? — Тот протянул ему свою левую руку. — Если так обидно, можешь поцеловать меня в ответ. Учти, я не жадный.

Чжао-гэр лишь промолчал, не зная, что на это ответить.

— Ну и скупердяй же ты, — Цзычэнь подхватил Гуай-цзая, поставил его себе на колени и принялся зацеловывать его в обе щеки, а потом, задрав рубашонку, шутливо приложился к его чистому белому животу. Малыш зашёлся весёлым смехом.

— Вот Гуай-цзай у нас щедрый, — приговаривал отец. — Беленький, мягенький, как свежая булочка. Дай-ка я тебя укушу, проверю, вкусный ли ты!

Мальчик легонько толкал Цзычэня в голову и не переставал смеяться:

— Щекотно! Отец плохой, плохой!

Глядя на их возню и слушая непрекращающийся смех, Чжао-гэр глубоко вздохнул, стараясь подавить в себе ростки печали и неуверенности.

Впервые за весь этот длинный день на его лице появилась улыбка. Уголки губ чуть приподнялись, а взгляд смягчился. В такие минуты он выглядел по-настоящему кротким и нежным.

Дом тётушки Лю

Дождливые дни — единственное время, когда крестьяне могут позволить себе отдых. Чжоу-гэр ещё засветло накопил травы, накормил свиней и теперь был свободен.

Тётушка Лю позвала его в комнату, чтобы обсудить дела Чжао-гэра.

— Одежду для Гуай-цзая и Чжао-гэра я сошью сам, а вот с Фан Цзычэнем придётся помочь тебе, матушка, — улыбнулся Чжоу-гэр, поглаживая отрез ткани.

Он был человеком замужним, и хоть с Чжао-гэром они были близки, шить одежду для чужого мужчины было делом предосудительным — пойдут ненужные слухи. А тётушка Лю была уже в летах, ей перед молодым парнем чиниться не пристало.

— Для Гуай-цзая шей на вырост, он сейчас быстро тянется. Ткань добрая, на несколько лет хватит, — давала наставления женщина.

В деревне жили бедно, каждую копейку считали. Одежду латали-перелатали годами, а когда старшие вырастали, передавали младшим — так и жили из поколения в поколение.

Чжоу-гэр кивнул:

— Я понимаю. — На лице его играла радостная улыбка. — Наконец-то и в жизни Чжао-гэра и малыша наступила светлая полоса.

Однако тётушка Лю не разделяла его восторгов. На своём веку она повидала немало, и ей всё казалось, что счастье Чжао-гэра висит на волоске. С самим Фан Цзычэнем она почти не общалась, а по рассказам зятя и сына судить не спешила — доверия он ей не внушал.

— Дай-то бог, — коротко бросила она.

Чжоу-гэр продолжал:

— Матушка, Чжао-гэр говорил, что Фан Цзычэнь последние полмесяца на пристани мешки таскает. В день выходит чуть ли не сто монет! Правда, работа эта тяжёлая, надолго его не хватит. Интересно, скоро ли они соберут те три ляна?

С Чжао-гэром они дружили больше десяти лет, тот доверял ему почти всё, так что тайн между ними не было.

Тётушка Лю изумилась:

— Откуда такие деньги-то?

В свободное от полевых работ время деревенские мужики часто уходили в город на заработки. Грамоте они не обучены, связей нет, так что оставался только самый тяжёлый и дешёвый труд. Почти каждый второй в деревне хоть раз мешки на пристани ворочал, но никто и никогда не слышал, чтобы за это платили столько.

— А он работник справный, — пояснил Чжоу-гэр. — Другие по одному тюку несут, а он сразу по два на закорки взваливает.

— Вот как? — тётушка Лю вспомнила, с какой лёгкостью Цзычэнь раскидал обидчиков, и поверила. — Только ты об этом помалкивай. Если до семейства Ма слухи дойдут — жди беды, опять лезть начнут.

— Знаю я, только долго ли это в тайне удержишь? — вздохнул Чжоу-гэр. — Цзычэнь каждый день в город бегает, если кто захочет выведать — всё узнает. А если Ма опять сунутся, пусть Цзычэнь им ещё раз бока намнёт.

Тётушка Лю строго на него посмотрела:

— Легко сказать — «бока намнёт». А что потом? К дому они, может, и не сунутся, а вот по деревне поганые слухи пустить — это они мастера!

Чжоу-гэр лишь беспечно отмахнулся:

— Пускай болтают, от слов не убудет.

Чжоу-гэр был прав: семейство Ма уже прознало про работу Фан Цзычэня.

После той трёпки, что устроил им юноша, две семьи стали заклятыми врагами. Люди Ма теперь при каждом удобном случае старались разузнать, как идут дела у их обидчика.

Поначалу, когда пошли слухи, что Цзычэню с семьёй приходится питаться одними дикими травами, Ма ликовали. Их обида немного приутихла: чужое горе всегда грело им душу.

Но когда стало известно, что Цзычэнь ежедневно бывает в городке, работает на пристани и гребёт деньги лопатой, их едва не придушила жаба.

В эту самую минуту Старшая госпожа Ма и её невестки вместе с мужчинами сидели в доме и обсуждали новости.

— По сто монет в день? Да брешут, небось, — проворчал Ма Дачжуан.

Он сам когда-то работал грузчиком, за день изматывался вконец, а получал от силы монет тридцать. Сто монет — это же курам на смех, ни один дурак в такое не поверит.

Старшая госпожа Ма фыркнула:

— Кто брешет? Это мне мой племянник самолично сказал, разве он станет врать?

— А, твой племянник... — протянул Ма Дачжу. — Так его словам веры ещё меньше.

Старшая госпожа Ма была из другой деревни, но если спросить любого жителя Сяохэ, знает ли он Ма Сяочжэна, девять из десяти ответят утвердительно.

А всё почему? Потому что слава о Ма Сяочжэне шла дурная.

Как-то раз его застукали в постели с чужой женой, и разгневанный муж, раздев его догола, повесил на старом баньяне у входа в деревню. За одну ночь Ма Сяочжэн прославился на всю округу.

— Слышал, что в деревне Сяожун стряслось? — А как же, все болтают. Вроде того бедолагу Ма Сяочжэн звали. — Какой там Сяочжэн — Сяовой его звать надо, «Маленький Кривой»! — Ха-ха, точно! У меня сестра там замужем, она видела, как его на дереве полоскало. Говорит... — Ну, что говорит-то? — Да говорит, там хозяйства — с мизинец, а яиц и вовсе не видать, если не приглядываться. — Да ну?! Серьёзно? — Ей-богу! И не она одна это видела. — Тьфу ты! И с таким добром ещё к бабам лезть? Это какой же душой надо быть, чтоб на него польститься?

После того позора Ма Сяочжэн в родной деревне оставаться не смог и приехал на время к Ма. Хоть они и были дальними родственниками, но кровь — не водица.

Только Сяочжэн и тут не унимался: всё строил глазки жене Третьего брата Ма, пока тот его не поймал и не выставил за порог. Так что в доме Ма, кроме Старшей госпожи, ему никто не верил.

Ма Эрчжу подал голос:

— Брат, даже если сто монет — это враньё, то, что он работает — чистая правда. Больше полумесяца прошло, какие-никакие деньги у них точно завелись. Может, нам стоит...

— И ты рискнёшь пойти? — усмехнулся Ма Дачжуан, у которого до сих пор ныл живот после встречи с Цзычэнем.

— Он нам денег должен! Чего тут бояться? Долги надо возвращать, это закон, — Эрчжу попытался найти поддержку у младшего: — Третий, ты что скажешь?

Третий брат Ма нахмурился. Его жена, госпожа Сунь, подала ему знак глазами, и тот вспомнил их вчерашний разговор.

— Старшие братья, — начал он, — если честно, я думаю, что наша семья не обеднеет от того куска хлеба, что съел Чжао-гэр.

— Третий, ты это к чему клонишь? — нахмурился Ма Дачжу.